

14 / 52200 (029)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

ЯЗЫК И ДИНАМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Материалы Международной научной конференции

Минск / Беларусь 3–4 апреля 2014 г.

Минск 2015

Национальная
библиотека
Беларусі

УДК 81'1
ББК 81
Я41

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 3 (39) от 23.12.2014 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор В. Д. Стариченок (БГПУ); доктор филологических наук, профессор А. Н. Андреев (БГУ).

Редакционная коллегия: О. А. Полетаева (*ответственный редактор*), А. М. Горлатов, А. А. Романовская, В. Т. Иватович-Бабиц, Е. А. Божкова

Язык и динамическая картина мира: материалы. Междунар. Я41 науч. конф., Минск, 3–4 апреля 2014 г. / редкол.: О. А. Полетаева (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2015. – 155 с.
ISBN 987-985-460-671-2.

В издании представлены материалы, отражающие актуальные проблемы современной лингвистики: языковая и концептуальная картина мира; наивная модель мира, отраженная во фразеологии; национальные концепты, прототипы, стереотипы; национально-культурный компонент в кодифицированном языке; концептуализация в разных типах текста, преподавание языка в аспекте межкультурной коммуникации.

Предназначается для научных работников и аспирантов.

УДК 81'1
ББК 81

ISBN 987-985-460-671-2

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленное вниманию читателей издание содержит материалы 34 докладов представителей Беларуси, Грузии, Польши, России, прочитанных на пленарном и трех секционных заседаниях в рамках Международной научной конференции «Язык и динамическая картина мира» (Минск, 3–4 апреля 2014 г.). Исследования касаются ряда актуальных проблем современной лингвистики. Многие из них выполнены в русле концептуальной лингвистики – одной из наиболее актуальных и перспективных научных парадигм. Объектами внимания участников явились языковая и концептуальная картина мира; наивная модель мира, репрезентированная во фразеологии; национальные концепты, прототипы, стереотипы; концептуальная метафора; национально-культурный компонент в кодифицированном языке; национально ориентированный текст, обращенный к собственной и чужой культуре; национально-культурный компонент в художественном тексте; личное имя как особый языковой знак; национально-культурный компонент в аспекте лингвокультурологии. Рассмотрены некоторые важные вопросы методики преподавания языков.

Оргкомитет благодарит авторов за предложенные темы и материалы, сотрудников кафедр славянских языков Л. В. Баландину, А. В. Верниковскую, О. Н. Кириенскую, В. Т. Иватович-Бабиц, И. С. Каминскую, Ю. А. Подберезскую, О. А. Полетаеву, А. А. Романовскую, И. Г. Урбанович, Е. А. Божкову за участие в подготовке материалов конференции к изданию.

Особую признательность члены оргкомитета выражают ректору МГЛУ Наталье Петровне Барановой за поддержку и помощь в организации конференции.

4. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка. // Освобождение от догм. История рус. лит. состояние и пути изуч. – М. : Наука, 1997. – Т. 1.
5. Ткаченко, И. Г. Подходы к трактовке текста и худ концепта в современной лингвистике [Текст] / И. Г. Ткаченко, Ю. Г. Мурка // Филолог. науки в России и за рубежом : материалы науч. конф., Санкт-Петербург, февр. 2012. – СПб. : Реноме, 2012. – С. 173–175.
6. Колесникова, В. В. Художественный концепт «Душа» и его языковая репрезентация (на материале произведений Б. Пастернака) : автореф. дис ... канд. филол. наук / В. В. Колесникова ; КГУ. – Краснодар, 2008. – 21 с.
7. Постмодернизм : энцикл. / сост. и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Кн. Дом, 2001. – 1037 с.
8. Felski, R. Literature after Feminism / R. Felski. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 2003. – 195 p.

И. П. Кудреватых (Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВЫЕ АНОМАЛИИ КАК СМЫСЛООРГАНИЗУЮЩИЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Художественное произведение характеризуется возможностью многочисленных интерпретаций, что является показателем, с одной стороны, его художественного достоинства, с другой – его культурной памяти. В этой связи Ю. М. Лотман отмечал, что «новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты. Чем больше новых истолкований, тем его художественное значение глубже и тем дольше его жизнь» [1, с. 90]. Семантика художественного текста и его частей как отношение содержания к средствам выражения – это сложное функционально-стилистическое единство с соответствующим набором текстовых категорий, определяющих его социальную значимость и устанавливающих осмысленное взаимоотношение между человеком и его языком.

Порождение смысла художественного произведения связано прежде всего с грамматико-стилистическими особенностями текста, в частности, с использованием структурно-языковых средств на уровне аномативного словоупотребления, которое является показателем смыслообразования. Об этом хорошо говорит Р. А. Будагов: «...“сдвиги” в грамматике русского языка... тесно связаны со “сдвигами” в культуре общества, с огромными успехами отечественной художественной литературы, науки и т.п. В этом же плане движение самой грамматики определенной эпохи выступает как движение социальное. Грамматика развивалась и совершенствовалась вместе с развитием языка, вместе с развитием культуры общества... В определенные эпохи грамматика может быть социально более показательна, чем лексика» [2, с. 48–49].

«Информативность» – одна из основных текстовых категорий. Закодированная по системе данного языка, информация в художественном тексте представлена в наиболее сложном и многоаспектном виде, так как художественный текст – это полисемантическая, полифункциональная и полиструктурная система, характеристики которой проявляются именно в особенностях грамматической организации. Грамматическая аномалия, понимаемая как любое маркированное отклонение от принятых в определенном обществе грамматических и стилистических норм, имеет высокую социально-языковую информативность, направленную на установление взаимопонимания языкового сознания человека и тех социальных процессов, которые находят отражение в художественном произведении. Именно поэтому, утверждает Д. С. Лихачев, в художественном тексте «надо изучать не законы развития искусства, а закономерные беззакония» [3, с. 21].

Ярким примером социализации грамматики может служить проза А. Платонова, «о которой с одинаковым успехом можно сказать, что она заводит русский язык в смысловую тупик или, что точнее, обнаруживает тупиковую философию в самом языке», например: *Дванов не пожалел родину и оставил ее. Смыльное поле потянулось безлюдной жатвой, с нижней земли пахло грустью ветхих трав, и оттуда начиналось безвыходное небо, делавшее весь мир порожним местом; Петр Федорович ловил мух на солнечном прутке и лущил их в руках со счастьем удовлетворения своей жизни, не думая от забвения о чужом всаднике; Мама, а отчего ты умираешь – оттого что буржуйка или от смерти («Котлован»)*. Платонов говорит о магии, «ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впадшем от него в грамматическую зависимость» [4]. Такой способ концептуализации мира, выраженный в форме языковой аномалии, – результат эстетического, «художественного» использования так называемой грамматики «абсурда», которая несет в себе большой заряд эстетической выразительности. Поэтому функциональная значимость языковых аномалий подтверждает значительный потенциал языковой системы в плане реализации ее системных закономерностей, с одной стороны, а с другой – ее творческих возможностей.

Ю. Д. Апресян в работе «Языковые аномалии: типы и функции» обобщает наиболее значимые основания для возможной классификации аномалий: «1) уровневые аномалии (фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, прагматические и т.п.); 2) аномалии степенн (совсем неправильно, неправильно, не вполне правильно и т.п.); 3) намеренные аномалии – ненамеренные аномалии; 4) аномалии, возникающие в результате тавтологии – аномалии, возникающие в результате противоречия; и т.п.» [5, с. 50]. Однако считает, что не все эти возможные основания классификации одинаково равнозначны: «Содержательно наиболее важным является деление аномалий на намеренные и ненамеренные. Все остальные классификации аномалий в разной степени существенны для этих двух классов» [Там же, с. 51].

Языковые аномалии А. Платонова имеют прагматическую задачу, они функционально целесообразны и эстетически значимы, так как напрямую связаны с художественной идеей произведения, являясь мощным средством тексто- и смыслообразования, например: *В день тридцатилетия личной жизни Воцеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабости в нем и задумчивости среди общего темпа труда; На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности. Воцеву дали лопату, он сжал ее руками, точно хотел добыть истину из земного праха; обездоленный, Воцев согласен был и не иметь смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека, – и чтобы находиться вблизи того человека, мог пожертвовать на труд все свое слабое тело, истомленное мыслью и бессмысленностью («Котлован»).*

«Не следует забывать, – пишет Л. В. Зубова, – что языковые изменения – факт, относящийся не только к прошлому, но и к будущему. В авторской трансформации слова и формы нередко можно видеть сконцентрированную и мотивированную контекстом, доступную наблюдению динамику исторических процессов, которая в обиходном языке, вне художественных задач, охватывает столетия» [6, с. 399]. Лексико-семантические и грамматические аномалии А. Платонова – это своего рода протест против навязывания определенного жизненного уклада и тех социально-идеологических сущностей, которые превращают человека в безропотное равнодушное существо, например: *Чиклин вонзил лопату в верхнюю мякоть земли, сосредоточив вниз равнодушно задумчивое лицо («Усомнившийся Макар»); Воцев тоже начал рыть почву вглубь, пуская всю силу в лопату; он теперь допускал возможность того, что детство вырастет, радость делается мыслью и будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме, чтобы глядеть из высоких окон в протертый, ждущий его мир; – До чего мне трудящимся быть надоело! – рассуждал Фома Егорович, упаковывая в мешок пшеницу. хлеб и пишено; Но страха он тоже не имел, терзаясь сплошным равнодушием; равнодушие, он чувствовал, может быть страшнее безразличия – оно выпаривает из человека душу, как воду медленный огонь и когда очнешься – останется от сердца одно сухое место; тогда человек хотя бы ежедневно к стенке ставь – он покурить не попросит: последнее удовольствие казнимого («Котлован»).* Таким образом, языковые аномалии – это картина мира писателя, своеобразный способ изображения действительности, на что указывают многие исследователи языка А. Платонова, считая аномалии результатом концептуализации мира его сознанием, т.е. языковые нарушения А. Платонова имеют мыслительную, ментальную природу [7; 8; 9; 10].

Ю. Д. Апресян выделяет две группы аномалий: «Во-первых, это авторские аномалии как явление текста (неважно, художественного, научного или

обыденного); говорящие идут на них сознательно, чтобы добиться определенного эстетического или интеллектуального эффекта. Во-вторых, это результат экспериментальных манипуляций над единицами языка, производимых лингвистом с целью изучения свойств этих единиц и получения нового знания о языке. В этом случае аномалии используются как один из технических приемов экспериментальной лингвистики» [5, с. 51]. Экспериментальные аномалии выступают своего рода элементами метаязыка лингвистики, о чем пишет Н. Д. Арутюнова: «Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный – на их пределы... Примеры семантических и прагматических аномалий, иногда очень изощренные, теснят корректные примеры» [11, с. 79]. Языковые аномалии А. Платонова – сознательные манипуляции с целью создания определенных эмоционально-эстетических впечатлений.

Языковые нарушения А. Платонова можно классифицировать по двум основаниям: 1) аномалии, связанные с нарушением валентностных характеристик, или семантические, и 2) аномалии, связанные с искажением грамматической формы, что создает впечатление «ущербности» грамматики, например: *Дети сами заранее умерли либо разбежались нищенствовать («Чевенгур»); Лев Чумовой... был наиболее умнейшим на селе («Усомнившийся Макар»); – Товарищи! – начал определять Сафронов вообщее чувство. – Перед нами лежит без сознания фактический житель социализма. Из радио и прочего культурного материала мы слышим лишь кино, а щупать нечего. А тут покоится вещество создания и целевая установка партии – маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом! Ради того нам необходимо как можно внезапней закончить котлован, чтобы скорей произошел дом и детский персонал огражден был от ветра и простуды каменной стеной!; Поп закрыл глаза и выразил на лице умильную любезность. Чиклин, не колебнувшись корпусом, сделал попу сознательный удар в скуло. Поп открыл глаза и снова зажмурил их, но упасть не мог, чтобы не давать Чиклину понятия о своем неподчинении;*

– Ну, прекрасно, – сказал тогда Чиклин. – А кто ж их убил?

– Нам, товарищ Чиклин, неизвестно, мы сами живем нечаянно.

– Нечаянно! – произнес Чиклин и сделал мужику удар в лицо, чтоб он стал жить сознательно. Мужик было упал, но побоялся далеко уклоняться, дабы Чиклин не подумал про него чего-нибудь зажиточного, и еще ближе предстал перед ним, желая по сильнее изувечиться и затем исходатайствовать себе посредством мученья право жизни бедняка («Котлован»).

Как указывают И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер, подобные «аномалии мысли» связаны друг с другом и очевидным образом функционально нагружены – например, «операции совмещения в процессе вербализации создают эффект многопланового, «стереоскопического» видения мира; дру-

гие операции, в некотором смысле противоположные совмещениям, ведут к избыточному выражению мысли, преодолевающему экономичность стандартных языковых средств, что создает эффект сопричастности формированию и оформлению смысла» [7, с. 138].

Противоречия, возникающие между лексической, грамматической и ассоциативной семантикой в произведениях А. Платонова, не порождают, однако, бессмысленности высказывания, скорее наоборот, способствуют повышенной информативности аномальных языковых явлений, выступая как тексто- и стилеобразующий фактор художественного повествования. При этом «возможны такие логические и коммуникативно-прагматические аномалии, – указывает Т. Б. Радбиль, – которые имеют лишь языковую форму манифестации, но не обязательно языковую природу. В свою очередь возможны и такие языковые аномалии, которые имеют вполне рациональную интерпретацию и/или прагматически допустимы» [12]. Интерпретация языковых аномалий А. Платонова – это манифестация значительного потенциала языковой системы языка, способного расширять смысловой объем лексических, грамматических, словообразовательных и других единиц в художественных целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / М. Ю. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.
2. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
3. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1999. – 191 с.
4. Бродский, И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова [Электронный ресурс] / И. Бродский. – 1973. – Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKI/BR_platonov.txt. – Дата доступа: 10.03.2014.
5. Апресян, Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции / Ю. Д. Апресян // *Reg. Philologia*. – М.; Л.: Наука, 1990. – С. 50–71.
6. Зубова, Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л. В. Зубова. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 431 с.
7. Кобозева, И. М. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. – М.: Наука, 1990. – С. 125–130.
8. Кожевникова, Н. А. Слово в прозе А. Платонова / Н. А. Кожевникова // *Язык: системы и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова*: сб. ст. – М., 1990. – С. 167–175.
9. Левин, Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) / Ю. И. Левин // *Семиотика и информатика*. – М., 1990. – Вып. 30.
10. Михеев, М. Ю. В мир Платонова – через его язык. Предложения, факты, истолкования, догадки / М. Ю. Михеев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 407 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
12. Радбиль, Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие [Электронный ресурс] / Т. Б. Радбиль. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/t_b_radbil/yazykovyie_anomalii_v_hudojestenom_te/read_online.html?page=7. – Дата доступа: 10.03.2014.

О. И. Десюкевич (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТЫ «ПОЛЬША» И «КРЕСЫ» В РЕПОРТАЖАХ МЕЛЬХИОРА ВАНЬКОВИЧА

Мельхиор Ванькович – признанный мастер репортажа – создал и теоретически обосновал индивидуальный тип текста, основанный на традициях польской шляхетской гавэнды. По определению Е. И. Билютенко, гавэнда – это «эпическое произведение, являющееся повествованием свидетеля или участника события, стилизованное под “поток речи” и изобилующее отступлениями» [1, с. 18]. Есть некоторые черты, которые объединяют гавэнду и репортаж и обуславливают возможность обогащения одного жанра за счет другого: прежде всего, наративная структура гавэнды предполагает рассказчика – непосредственного свидетеля события и адресата – человека той же культуры, той же ментальности, что и рассказчик, с которым возможен прямой, свободный разговор в доверительной манере, канонический для гавэнды разговор «волею со своим», а кроме того, гавэнда предполагает четко очерченные ситуационные рамки (реалии пространства и времени). Не противоречат назначению репортажа в современном его понимании такие черты поэтики гавэнды, как намерение поддержать «коллективный приятельский кич акт» [1, с. 109], развлечь читателя/слушателя, что находит выражение в ярком, образном языке, а также в хаотической манере повествования, изобилующей отступлениями. Кроме перечисленных черт, шляхетская гавэнда характеризовалась особым лиризмом, субъективностью чувств и способностью передать событие актуализированно – свойства, которые способны при грамотном использовании обогатить репортаж, придать тексту целостность и выразительность. Тематически гавэнда включала мотив идеализации прошлого, что проявлялось в создании колоритных образов шляхтичей, магнатов и противопоставлении «золотого века» упадку в настоящем.

Мельхиор Ванькович не считал гавэнду исключительно польской формой, в равной степени к этому жанру он относил и «Пана Тадэуша», и «Евгения Онегина», и «Дон Кихота», считая гавэнду принадлежностью литературы провинции (*literatury rustykalnej*), в противоположность городской культурной традиции. Именно чуждостью городской традиции он и объяснял неприемлемость для польской литературы жанра репортажа в его западном варианте и необходимость его «вживления» в польскую литературу с помощью жанра гавэнды: *W swoim pisarstwie świadomie wziętem jako surowiec tworzywa gawędę szlachecką. Jest to równie pięknie nastąpił likwor, jak podania ludowe, sagi, hagady, upaniszady etc. Tyle się w nich wlało w mierzwę prasłowiańską sarmackiej nordyckości, turkmeńskich orientalizmów, tyle elementów łacińskich, takie są doływiki ormiańskie, litewskie, białoruskie, tatarskie, a nawet żydowskie, a z drugiej strony – włoskie i galicckie, że to jest bardzo cenny surowiec* [2, с. 132].

<i>Любецкая К. П.</i> Беларуская анатамічная тэрміналогія: задачи ўпарадкавання	68
<i>Гвоздович Г. А.</i> К вопросу о термине <i>паремия</i>	71
<i>Фурашова Н. В.</i> Динамика языковой картины как следствие (пере)конструирования мира	76

Секция II
**ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА**

<i>Кожурина Т. А.</i> Репрезентация глагольной лексики в произведениях Г. Конисского	80
<i>Самойлова И. Ю.</i> Глаголы передачи: фрагмент картины мира И. Бродского	84
<i>Урбанович И. Г.</i> Авторская модель концепта «жизнь» в произведениях Ф. Искандера	88
<i>Первушина Л. В.</i> Концепт свободы личности в экспериментальном творчестве современных англоязычных писательниц	93
<i>Кудреватых И. П.</i> Языковые аномалии как смыслоорганизующие средства художественного текста	98
<i>Десюкевич О. И.</i> Концепты «Польша» и «Кресы» в репортажах Мельхиора Ваньковича	103
<i>Рычкова Л. В.</i> Обобщенный и коллективный авторские типы в текстах СМИ Гродненщины	108
<i>Пахомова-Телевич Ю. Н.</i> Моделирование картины мира у читателя отечественной прессы	112
<i>Рачковская А. В.</i> Семиозис смеха в повседневном общении, ритуале, языке и интернет-коммуникации	115
<i>Цыбульская А. И.</i> К вопросу о наименовании персонажей в художественном тексте	120

Секция III
**ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКА
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

<i>Ковалёнок С. В.</i> Русский язык как иностранный: функционально- коммуникативный, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты	122
<i>Адамия З. К.</i> Преподавание языка в аспекте межкультурной коммуникации	127

<i>Басова А. И., Жизневская О. Н.</i> Стереотипы и их значение при изучении межкультурной коммуникации в гуманитарном образовании	130
<i>Каминская И. С.</i> Особенности формирования коммуникативной компетенции при работе со студентами из Туркменистана	135
<i>Верниковская А. В., Шкиленок О. Е.</i> Словообразовательное гнездо: лингвистический и методический аспекты	139
<i>Федорович Н. Н.</i> Использование интернет-ресурсов в обучении русскому языку как иностранному	144
<i>Лодята Е. С.</i> Использование техники «small talk» при обучении говорению	147